

София Синицкая

СИСТЕМА
ПОЛКОВНИКА
СМОЛОВА
И
МАЙОРА ПЕРОВА

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

*Памяти моего деда, профессора А. А. Синицкого.
В блокадном Ленинграде он работал
над вакцинами для фронтовых больниц*

*Памяти моего деда, штурмана Пе-2
Г. И. Поклонцева. Он погиб в 1942 году
при выполнении боевого задания*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Белой июньской ночью 1942 года конвоец Вася Цветков дремал на вышке отдалённого вологодского лагпункта, который местные называли Мшавой. Гремели птицы, качались лютики, болотница с голой грудью шлёпала гусиными лапами вдоль забора, обтянутого колючей проволокой.

Васе снился дедушка Гермоген Иванович. Вот он в майке и кальсонах, стройный, седой, мускулистый, открывает окно, залезает на подоконник и прыгает вниз. Это не страшно – дедушка выпрыгивает из окна каждое утро: к дому примыкает каретник, на его крыше у дедушки устроена голубятня.

Дедушка поёт бодрую песню, шумит ногами по железу. Раздаётся пронзительный свист. Размахивая шестом, Гермоген Иванович поднимает на крыло своих почтарей, царьков и англичан,

николаевских, камышинских и астраханских. Стая кружит над каретным двором, взлетает над параллелями и перпендикулярами, становится чёрными точками и исчезает в василеостровском небе.

Цветкову спать никак нельзя. Начальник лагпункта капитан Калибанов лично водил охранников на лесное кладбище, показывал свежеврытые ямы: «Будет побег – тут окажесся». Васе было обидно – он хотел на фронт и докладывал об этом в устной и письменной форме. Калибанов кричал, что фронт и главный враг – здесь, на болоте, и приказывал «молцать»*.

– Молцать!

Вася не знал, что там с дедушкой, мамой и младшей сестрой Марусей. В прошлом году после экзаменов он поехал в деревню. Со ржавым замком справился, траву скошил, трещины в печке замазал, ловил подъязков и ждал своих.

Прибежал сосед Зубакин, закричал, что началась война. У него были скрючены пальцы из-за перерезанного в драке сухожилия, три перста подняты, два прижаты в полной готовности к крестному знамени. Зубакин был убеждённым атеистом, в юности все дыры в хлеву забил домашними иконами. 22 июня он бежал по пыльной улице, взмахивая рукой, всех благословляя. Ветер гнал волну по пшеничному морю.

Свои из Ленинграда не выбрались.

---

* Особенность вологодского говора. – *Прим. ред.*

С мужиками на подводах Вася приехал в Тарногу. Защитников Отечества научили падать на землю, ползать и метать гранаты. На площади перед школой им сыграли музыку и увели сражаться с фашизмом, а Васю отправили на чищ и мшаву охранять врагов народа. Васе было обидно.

– Молцать!

Бежать из лагеря в то время никто не собирался, попыток не было. Только рехнувшаяся Ф-149 топала в лес, сшибая рюхи, – так Калибанов называл столбики для разметки территории, за которые нельзя было заходить. Калибанов сам бегал за «Фэ», бил её, возвращал. Конвойцев не хватало: в начале войны большая часть охраны ушла на фронт. Взамен Калибанову прислали нескольких женщин, инвалидов и юного Васю Цветкова.

Начальник получал с большой земли тайные вести, правительственные сообщения: на болото гнали пять тысяч голов врага, надо было строить жильё, искать продовольствие. Мшава разрасталась. Заключённые (из пятисот – двести работоспособных) ставили бараки на пнях спиленных деревьев – их корни, глубоко пролезшие в зыбкую почву, были надёжным фундаментом.

Калибанов ездил по деревням, собирал продукты. Его все боялись: высокий, сутулый, худой, в плащ-палатке, не терпел возражений, смотрел голубыми прозрачными глазами. Гнедой Мираж мягко ступал копытами по разнообразию вологодской бриофлоры, Калибанов, бросив поводья,

оглядывал свои владения. Сзади трюхал в телеге, везомой хилым Сивкой, Вася Цветков.

Деревенские люди сдавали морковь и картофель, больше у них ничего не было. Дети ходили кормиться в чищ – вешали петлю на рябчика, жевали побеги рогоза, пекли на углях его розовые корни. Завидев всадника, дети свистели и прятались, хотя ему дела до них не было. Он медленно поворачивал скуластое лицо с большим рыхлым носом. «Мошельники, мошельники», – шипел Калибанов, Мираж фыркал и шевелил ушами.

Над пустошью стоял запах печёного рогоза. Голодному Васе хотелось пойти к детям, чтобы они угостили его своей болотной едой и поделились секретами дикарской кухни. Васю интересовали вопросы выживания. Дома, в квартире под крышей, где на дровяной плите вечно варился мамин бульон, была отличная библиотека – дедушка собирал книги про приключения в джунглях и на необитаемых островах. Всей семьёй играли в выживателей: мать была потерпевшим кораблекрушение моряком и специально для роли завела себе трубку, Маруся – ловкой обезьяной на службе человека, Вася вставлял образ Миклухо-Маклая в любую сюжетную конструкцию. Дедушка был капитаном Немо, бунделкхандским принцем, первым человеком, шагнувшим в глубины океана. Гермоген Иванович читал в университете курс орнитологии, больше всего на свете он любил крепкий чай, пшённую кашу и жизнь в условиях дикой природы.

Стрелок мечтал поесть картошки, потому что от конвойской фасолевого тюри было одно расстройство. Вася вспоминал, как ездили в девятом классе на картошку в Кузьмолово – помогать колхозу. Синие ночи взвивались кострами, вожатый научил класть в картофелины кусочки сала – так вкуснее запекать в углях. На картошку Вася взял с собой двух почтарей. Из «Кузьмолово» (так местные говорили) отправил дедушке подробный отчет о результатах картофельного соревнования. Белые почтари с кармашками на спинках взлетели над квадратами и прямоугольниками полей и взяли курс на Васильевский остров.

Вася не знал, что дедушка на деле оказался плохим выживателем. Морозным солнечным утром он объявил своим «девочкам», что поймает судака килограммов на девять, взял донку, энтомологический сачок и пошёл с Марусей к реке. На залитой солнцем набережной стояли новые дощатые домики, в них прятались от бомбёжек перепуганные Аменхотепы. Парами шли закутаные детсадовцы, дедушка отдал им пионерский салют. Наладил снасти, поскользнулся на обледенелых ступенях, бодро пошёл к полынье.

Маруся считала солнечных зайцев – они прыгали на заснеженной речной поверхности, слепили глаза и щекотали нос. По дороге дедушка очень хорошо объяснил Марусе про давление на лёд площади тела и площади ботинка, девочка за него не

боялась, жмурилась и думала о рыбе – жареной, варёной или, что лучше, запечённой в тесте.

Вдруг послышался слабый крик, дедушка пропал. Маруся, заплакав, поползла по дедушкиному следу, увидела его руки и голову – он пытался выбраться из воды, но лёд обламывался, не хотел держать. Наконец, дедушка выпрыгнул дельфином, лёг на бок и покатился к внучке. Вернулись к сфинксам, побежали в Академию художеств, там Гермогена Ивановича отвели к печке, сняли мокрую одежду, завернули в испачканный красками халат.

Пока дедушка грелся, Марусю развлекал хромым хранитель Абезгауз – худой, с растрёпанными кудрями, в мохнатой шубе. Он показал девочке макет Исаакиевского собора, потом отвел в подвал, где плотными рядами, словно соты в улье, стояли деревянные ящики. Хранитель достал из одного ящика удивительные маски с усами и вытаращенными глазами, это были экспонаты Этнографического музея. Абезгауз подмигивал и шептал, что про маски нельзя никому говорить, это военная тайна. Он был похож на северного золотоискателя, изо рта у него вылетал белый пар.

Дома дедушка лёг в кровать и больше не вставал, тяжело дышал, просил у девочек прощения. Тогда Анна Гермогеновна свернула шею первому голубю и сварила суп. Дедушке не хотелось есть любимого почтаря, дочь на него кричала. Через несколько дней Гермоген Иванович умер.

Васин отец тоже был плохим выживателем. Когда Вася ходил в детский сад, а Маруся только родилась, геолог Цветков был отправлен в Ухтинскую экспедицию. С небольшим разведывательным отрядом, в состав которого вошли несколько убийц и первооткрыватель чекист Суций, Цветков пробирался вдоль реки Войвож с целью освоения природных богатств Коми.

Суций хотел стать знаменитым колонизатором, у него был наградной маузер и старая книга «Север России», заложённая на главе «О пользе казны от заселения Северного края преступниками». Убийцы мечтали накопить пару сот рублей и после отсидки «устроить своё деревенское хозяйство». Они тащили лопаты и рюкзаки с крупой и консервами. Цветкову грезился нефтяной фонтан, с жирным чавканьем бьющий из классно пробитой дудки.

Отряд исчез, впоследствии были обнаружены фрагменты одежды колонизаторов со следами звериных когтей и обглоданный скелет Суцего – в костях засели две стрелы с наконечниками из консервной банки, рядом валялись удостоверение на ношение маузера и прочие документы.

Васина мама осталась одна, за ней ухаживали инженер Крупов и кандидат наук Альберт Иванович Привозов из Института вакцин и сывороток. Также к маме хорошо относился зоолог И-Тин. С И-Тином и Привозовым Аню познакомил отец, он знал их по университету.

С китайским зоологом Анна Гермогеновна ходила обедать в столовку. Она работала в Пушкинском доме, И-Тин занимался вопросами репродукции у рептилий. Он приглашал подружку Гермогеновну и её детей к себе на пропахшую формалином кафедру, показывал красивых пёстреньких змеек, белых мышей, застывшего в задумчивости варана. В шкафах стояли банки с заспиртованными тварями.

И-Тин гулял с Гермогеновной по набережной, читал стихи о том, как улетает стая стремительных птиц, мышь выбегает из-под кровати, а старая обезьяна плачет на крыше*. «Это я, это я!» – говорила Аня, она действительно иногда плакала на крыше каретника, вычищая насесты почтарей и любуясь закатом.

С детьми китаец организовал Союз беспечных жителей бамбуковой долины. Он жил на соседней линии и часто приходил в гости к обитателям дома с тремя полукруглыми окнами на последнем этаже.

И-Тин рассказывал Гермогену Ивановичу про устройство хвостов удавов. Гермоген Иванович рассказывал И-Тину про навигационные способности почтарей...

После неудачной рыбалки И-Тин очень ловко завернул дедушку в праздничную вологодскую скатерть, помог маме Ане спустить его по лестнице и отвезти на Смоленское кладбище. Китайский

---

* И-Тин цитирует строки китайского поэта Ли Бо. – *Прим. ред.*

зоолог отдавал Гермогеновне свои карточки, но при этом всегда был сыт. У него не было времени стоять в очередях и отоваривать карточки, он писал диссертацию и много работал. Аня старалась не думать о том, *что* он ест.

Аня с Марусей не голодали: они плели маскировочные сети и получали за это рис, почему-то именно рис, инженер Крупов делился с ними салом, принёс мешок лука и кокосовое масло, ещё был запас птичьего корма.

Однажды кто-то залез на крышу каретника, чтобы съесть голубей. Маруся сквозь сон слышала, как дедушка гремит ногами по железу, а когда раздались возмущённые мамины крики, вспомнила, что дедушка умер. Мама прогнала грабителя. Голубей перенесли в квартиру, в нетопленной комнате они перепархивали с полки на полку и довольно курлыкали.

Потом было нашествие крыс. Ночью серые разбойники прыгали по спящим, воровали еду. Больше всего девочки боялись за птичий корм. Во время воздушной тревоги мама с Марусей забирали с собой в бомбоубежище мешки с зерном.

В бомбоубежище Академии художеств было очень холодно. Туда приходили ребята со Второй линии – осенью в полуподвальном этаже дома номер три организовали класс. Строгая учительница с маленькой собачкой вела уроки и задавала большое домашнее задание. Маруся радовалась, что мама разрешает не ходить в школу (надо ведь

сети плести!), ей совершенно не хотелось писать и считать.

Однажды в бомбоубежище старенький искусствовед прочёл лекцию о фресках, детям было интересно: наверху ровным строем летели гитлеровские самолёты, мир грохотал и рушился, а в Тоскане светило солнышко, пели птицы, цвёл миндаль; монах-художник похитил из монастыря юную монахиню, у них родился великий Филиппино Липпи. Хранитель Абезгауз тоже слушал лекцию. Ему тоже хотелось умыкнуть монахиню, а потом устроить итальянский пир с жареной дичью и сладким вином.

Возвращаясь домой, открывая дверь, девочки слышали топот расходящихся со своего партсобрания крыс. Мама была в отчаянии – она посадила горох, он дал мощные ростки, которые можно было есть с салом и скармливать птицам, но крысы всё грызли и разоряли.

И-Тин принёс девочкам удава, объяснил, как с ним обходиться, и пообещал, что больше крыс не будет. Это была самка, её называли Машенькой. Самец остался у китайца. При Машеньке нельзя было делать резких движений, надо было ходить медленно, руками водить плавно, не кричать, не плакать, не смеяться. В общем, проявлять созерцательное спокойствие и не пускать её к голубям.

Машенька любила тепло. Девочки жили на кухне, где топилась дровяная печь и висел банный пар – в кастрюле постоянно кипела вода. Окна изнутри заледенели, покрылись узорами. Днём Ма-

шенька дремала, вытянувшись на спинке дивана, слившись с турецким орнаментом, мама с дочерью ходили «сарабандой», говорили шёпотом. Ночью засыпали, прижавшись друг к другу, а верная Машенька тихо гуляла по квартире и охотилась на крыс, которых действительно поубавилось.

Машенька полагала, что в условиях войны и блокады борьба с грызунами должна рассматриваться как мероприятие государственной важности, имеющее определённое оборонное значение. Несколько раз голодный удав выползал за поживой на лестницу через прогрызенную крысами дыру в прихожей. Змея очень испугала дворника Назима Наримановича. Нариманович побежал за лопатой, чтобы сразиться с Машенькой, мама вовремя вернула беглянку домой, угостила взбешённого дворника кусочком сала.

Лестница с напольной мозаикой «Salve» была загажена заледеневшими экскрементами: не всем жильцам удавалось донести ведро до помойной ямы, которую дворники вырыли во дворе, когда отключилось водоснабжение. Под Цветковыми жила суровая коммунистка Вера Сергеевна, она получала иждивенческую карточку и быстро слабела. Хотела быть примером несокрушимости для мещан-соседей. Еле удерживая лом, скалывала с лестничных ступенек лёд от расплёскиваемой воды и «их» нечистоты. Твёрдым взглядом провожала инженера Крупова, который, поскальзываясь и матерясь, раз в неделю поднимался

к девочкам Цветковым. У него было красное лицо, изо рта пахло луком и махоркой, в сумке он нёс еду. «Это высшая справедливость! – говорила мешчанам-соседям несокрушимая коммунистка. – Крупов – ведущий инженер оборонного предприятия. Там выпускают снаряды, которые полетят во врага. Он просто обязан хорошо питаться!»

Крупов оценил крысобою Машеньку, осторожно гладил её по хвосту (чешуйка к чешуйке), пропилил для неё дырку в кухонной двери, как для кошки. Наевшись с девочками каши с салом, вытягивал ноги, закрывал глаза и засыпал; удав тихо ползал вокруг ведущего инженера, раздвоенным чёрным язычком пробовал его наручные часы с кожаным ремешком и двумя циферблатами. Проснувшись ночью, Крупов видел, что Маруся дремлет у него под боком, а мать её при свете керосинки читает книжку и курит трубку. Крупов принимался жарко обнимать Анну Гермогеновну, тащил её в комнату к голубям, там была железная кровать на колёсиках. Несмотря на холод, пламя его страсти разгоралось сильнее, он наваливался на Аню, с хрипом мягко кусал её плечи и шею. Встревоженные голуби били крыльями и взлетали под потолок, Машенька, недовольная всей этой вознёй, раздражённо шипела и уползала синим чулком прочь. Вера Сергеевна, лёжа в пальто в кровати, с распахнутыми глазами прислушивалась к стуку колёс над головой и думала про высшую коммунистическую справедливость.

Аня была благодарна Крупову за сало и за то, что он, воспользовавшись своим служебным положением, помог узнать про Васю. Вася служил Отечеству на северных болотах, кроме мороза, комаров и фасолевого тюрки его здоровью, казалось, ничто не угрожало.

Глава вторая

Ф-149 уходила в лес при первой же возможности. Она не работала – не могла или не хотела. Женщины валили деревья. Фэ оставалась у костра подбрасывать поленья, застыв, часами смотрела на угли. Как только конвоец отвлекался, она тихо ныряла под еловые ветки. Её всегда находили Дружок или Калибанов. Если бы не эта Фэ, Васе было бы несложно охранять женщин. Зимой, чтобы не замёрзнуть, он работал вместе с бригадой. Калибанов делал вид, что не замечает нарушения конвойской дисциплины, – рабочих рук не хватало: большая часть заключённых болела, врача не было. Люди лежали на нарах, тихо таяли, медленно, но верно освобождая помещение, перекочёвывая в болотные могильники.

А на Мшаву шёл этап. От ВСПУЛа, Высшего северного руководства управления лагерей, Калибанов получал тревожные сообщения о пяти тысячах врагов, которых следует поселить, накормить, перековать. Советские воины где-то там, далеко, боролись с фашизмом. Но и на Мшаве был враг, был

свой внутренний фронт. Беспокойство выжгло всего Калибанова, он не мог спать. В лагере остались три ударные бригады, одни женщины, все мужики истлели. Пятьдесят барачников на пять тысяч врагов. Не успеет! Пять барачников на пять тысяч врагов.

Чтобы сберечь ударные бригады, Калибанов привёз из райцентра врача Нину Петровну. Вспугивая птиц, Мираж летел галопом через болота, согнувшийся Калибанов угрюмо смотрел на лимонный закат, Нина Петровна, боясь быстрой езды, цеплялась за плащ-палатку и билась лбом в чёрную спину.

За ними тихонько ехали в телеге Вася Цветков и шестилетняя Тонечка, дочка Нины Петровны. Тонечка следила за маминей сумкой и чемоданчиком с красным крестом. Тонечке было страшно, что чёрный всадник унёс маму. Чтобы развлечь ребёнка, стрелок рассказывал, как у дедушки-голубевода комсомольцы украли двух почтарей – захотели их торжественно выпустить на открытии спортивных состязаний. Кулёмин отвлек Гермогена Ивановича разговором, а Кузякин спрятал под пиджак двух голубей. Дедушка очень переживал пропажу и страшно радовался, когда через день почтари, выпущенные комсомольцами, вернулись в родную голубятню. «Голубь – единственная птица, которую можно поднять на крыло: покружит и всегда прилетит обратно».

В «Строителе» и «Лесопильщике» Калибанов читал про удивительную систему верных сынов

Отечества, наших батыров и членов ВСРУЛа полковника Смолова и майора Перова. Они придумали исключительно действенный способ перековки. Благодаря их системе враги народа совершали чудеса строительного дела: с невероятной скоростью прокладывалась линия Котлас – Воркута, соревновались депо, летел с весёлым гудком локомотив. При этом враги были самоохранниками и самостоятельно добывали себе пропитание – начальству не надо было ездить по деревням и отнимать у населения продукты. Необычайно высокие показатели и полное самообеспечение – таковы были цели и результаты системы батыров Смолова и Перова. К сожалению, не все её детали освещались в прессе. «Государственная тайна, секретный материал», – бормотал Калибанов, снимал очки на верёвочке, аккуратно складывал газету и закрывал глаза.

Высшее северное руководство управления лагерей прекратило поставку продовольствия на Мшаву. Говядина, сало, перловка – всё это было для фронта, всё для победы. Есть было нечего, голодные сторожевые собаки, давно не нюхавшие мяса, несколько раз цапали за ноги бедного старого Сивку, охрана лезла на вышки с вёдрами – всех мучила диарея от фасоли (кружка фасоли в день), невозможно было терпеть. Зэчки-ударницы требовали хлеба. Началась зима, к деревням за продуктами было не проехать, снежные крепости высотой с Сивку встали вокруг зоны.

Одна бригада взбунтовалась. Ударницы отказались работать, столпились вокруг костра, кричали, что без нормального питания стройку поднять не смогут. «Дайте нам снасти, мы пойдём на рыбалку! Дайте винтовку, мы пойдём на охоту!» – «Цево захотели! Молцать!» – огрызнулся начальник. Он грозил расстрелом, пальнул в небо, но это не помогало. Воспользовавшись перепалкой, Ф-149 опять ушла. Калибанов приказал Цветкову сторожить бригаду, при необходимости стрелять и спускать Дружка, а сам пошёл на задержание Фэ.

Женщины матерились, Вася взмок от волнения, Дружок гавкал. Прошёл час или два, а Калибанов с Фэ всё не возвращались, стало темнеть, подул ветер, начиналась снежная буря. Женщины требовали, чтобы стрелок вёл их на зону, все устали от холода и голода, у кого-то портянки примёрзли к ногам. Вася развёл эчек по баракам, измученного Дружка отправил греться в комнату к Тонечке, Нину Петровну послал проверить женщин на предмет обморожения, а сам с конвойцем Зыковым и его свежим Казбеком пошёл во тьму и бурю искать Калибанова с Фэ.

Фонарь с трудом пробивал снежную пелену, ветер свистел, как локомотив на ударной магистрали полковника Смолова и майора Перова. Кричать было бесполезно, Цветков и Зыков стреляли из винтовок, запустили сигнальную ракету. «Вижу, слышу, почти добрались, вон конечный пункт, сейчас цай будем пить!» – покачиваясь, Калибанов

шёл по заносимой снегом, исчезающей на глазах дороге. На спине он тащил избитую, но живую Фэ.

Пока Вася с Зыковым искали Калибанова, а Нина Петровна бинтовала зэчкам обмороженные ноги, на зоне случилась беда – пропали Тонечка с Дружком. Врач бегала по баракам, умоляла найти и вернуть ребёнка: «Женщины, отдайте!» Женщины Тонечку не отдавали, они требовали хлеба. Судя по всему, это был сговор. Ударницы заперлись в своих бараках. Где они прятали девочку, было непонятно.

Калибанов приказал выбивать двери. Зэчки стали грозить, что задушат ребёнка. «Еды! Мы не можем работать без еды! Накормите нас, мы вернём Тоню!» Ночью на зоне в морозном воздухе запахло жареным мясом: кто-то готовил Дружка.

Была оттепель, потом подморозило. Снежная поверхность превратилась в отличный наст. На саях стрелок Цветков приехал в деревню, чтобы собрать продукты. Женщины и старики положили ему в телегу десяток яиц, связку лаптей и несколько мороженных картофелин. «Иди за мясом к бабе Пане!»

Баба Паня жила в избушке на краю деревни, там не было ни сенника, ни хлева. Где же она берёт мясо? Две пушистые собаки весело лаяли на стрелка.

Паня впустила Васю и сразу полезла на жарко натопленную печь, она лежала на хрустящей россыпи сушёной черёмухи, подпершись локтём, смотрела на растерянного, расстроенного

красноармейца. Её покойный муж был хорошим охотником, она ему помогала – загоняла кабана и лося. Паня умела поднять сохатого, была готова завалить его для мшавских доходяг. Но ей нужна была подмога.

Вася пришёл к Калибанову, вручил ему яйца и лапти и сказал, что срочно требуются люди для загона. Начальник злобно посмотрел на охранника сквозь мутные очки и закрылся «Лесопилщиком». Он пришёл к выводу, что ВСРУЛ не шлёт в лагпункты продовольствие с целью подтолкнуть ответственные лица к немедленной реализации на местах системы полковника Смолова и майора Перова, дающей необычайно высокие производственные показатели при минимуме затрат. Ответственное лицо Калибанов не оправдывал партийного доверия: на Мшаву шёл этап, а работа стояла, зэчки бунтовали. С тремя классами приходской школы он был не в силах постигнуть все тонкости, понять теоретические принципы этой выдающейся системы, лишь в общих чертах изложенные в прессе НКВД. Он остался за бортом лагерного соцсоревнования и явно плёлся в хвосте.

На снегу появились следы крупных гусиных лап. Кто-то визжал на болоте: над Калибановым смеялись, издевались.

Начальнику хотелось, чтобы всё исчезло – Мшава с голодными зэками и стрелками, воющая по Тонечке Нина Петровна, Фэ и он сам. «Пустерьга я, никцемный целовек!» Калибанов закрылся в каби-

нете, не хотел никого слушать и собирался не сегодня-завтра пустить себе пулю в ответственное лицо.

Зыков отказался идти на охоту без приказа начальства, полез на вышку с ведром, сделал вид, что не заметил, как стрелок Цветков вывел из барака группу ударниц и самовольно покинул с ними зону. Крепости таяли, пахло лесом, желтела сухая трава, Зыков мечтал о куске лосиной печени и сладком чае.

Баба Паня, маленькая, плотненькая, матерясь, утопая в снегах, привела обитателей Мшавы в небольшой лесок, где недавно видели следы лося. Стрелка и трёх «деушек» оставила на просеке в том месте, где должен был появиться зверь. Остальные деушки и мохнатые лайки пошли за Паней загонять сохатого.

Две деушки – клеветница на национальную политику КПСС и советской власти Галина Аскольдовна с кафедры народов Севера географического факультета ЛГУ и карикатуристка-антисоветчица Люба – впервые держали в руках винтовку. Грабительница Валька Финюк умела обращаться с огнестрельным оружием: в 1938-м посредством выстрела из обреза она ограбила курского гражданина Хряпова (взята была лошадь с санями), за что и села.

Валька приплясывала от холода и, не веря своим чувствам и ощущениям, с наслаждением сжимала винтовку. Ей хотелось первой пальнуть в лося, она с таким напряжением вглядывалась в ёлки, что рябило в глазах.

Вася подошёл послушать, о чём говорят клеветница с антисоветчицей, эти женщины своей весёлой болтливостью, спокойствием при любых обстоятельствах и добротой напоминали ему мать. Галина Аскольдовна рассказывала Любе страшно интересную сказку нганасан про то, как живой молодой шаман отправился в землю мёртвых добывать занемогшую девку, там разговаривал с мёртвыми шаманами и крылатыми шайтанами. Боялся упустить девку; всё закончилось хорошо.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА